

ТЕЛО, ДУХ, ДУША: ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ*

Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Я собираюсь говорить о человеческой личности в ее целостности, и для начала необходимо сделать несколько замечаний. По-английски мы говорим «человеческая личность», потому что английское «man» для многих звучит оскорбительно – в английском языке нет слова, соответствующего греческому ἄνθρωπος или русскому «человек». Так что приходится условиться, что в каких-то случаях «личность» означает человека в целом, хотя следует отметить некоторые важные отличительные моменты.

Владимир Николаевич Лосский, наряду с другими богословами, подчеркивает тот факт, что с богословской точки зрения есть большая разница между «личностью», «персоной» и «индивидом». Индивид, как указывает само слово, это последняя степень дробления. Можно говорить о человечестве, можно говорить о народах, можно говорить о расах, о семьях, но в конечном итоге остается единица, потому что если делить дальше, в конечном итоге остается не живой человек, а мертвое тело, труп – и душа покойника.

Индивид – это результат дробления. Мы все – индивиды в той мере, в какой чужды друг другу, разделены от Бога и внутренне разбиты. Ни все человечество, ни каждый из нас в отдельности – мы не обладаем цельностью, и это приходится принимать в учет, когда мы думаем о самих себе, так же как когда думаешь о Церкви и о человечестве в целом. Невозможно иметь оптимистическое представление о Церкви и забывать, что и Церковь *тоже* раздроблена. Ни в ком из нас ум, сердце, тело, страсти, наш *порыв* к Богу не сливаются в единый мощный поток жизни, тем более, духовной жизни.

С другой стороны, мы говорим о личности, персоне, и это слово следует понимать верно. Первоначальное греческое слово «ипостась» при переводе на латинский язык создало большую проблему. Греческое слово означает «твердое основание», нечто прочное, самую *сущность* вещей. Слово же «персона» в то время, когда был сделан этот перевод, означало нечто совсем другое. «Персона» в латиноязычном мире означало маску актера,

* *The Whole Human Person: Body, Spirit and Soul*. Доклад на Епархиальном съезде 1996г. Пер. Елены Майданович по изд.: *To Be What We Are: The Orthodox Understanding of the Person. A Conference of the Diocese of Sourozh: Headington, 1996. Published by the Russian Orthodox diocese of Sourozh, 1997, p.5-14.*

которого можно было видеть и узнать благодаря этой маске, и слово *personae* значит «звучать через что-то». Но если думать о персоне как об актере в маске, можно представить себе, что в этом понятии двойная неправда. С одной стороны, маска – не сам актер. С другой стороны, пьеса не есть реальность, это что-то выдуманное. Так что говорить о Трех Лицах Святой Троицы как о трех *personae* представлялось чудовищным богохульством, ложью; потому что это ложная интерпретация, и это ложь относительно самой сути вещей.

Но значение этого слова следует понимать, как обычно и понимается, как *персону*, то есть человеческое существо, рассматриваемое как единая и полная реальность. Но эта персона, эта реальность – нечто гораздо более сложное, чем можно вообразить. Персона – не просто человеческое существо, приведенное к цельности, в ком все конфликты вымерли или в достаточной мере устоялись, чтобы не являть нам ситуацию беспорядочности. Глубинная суть понятия «персоны» в том, что когда мы говорим о персоне, мы говорим о человеке в его глубинной сущности. В книге Откровения нам дан образ не то что такого употребления слова «персона», но того именно, о чем я говорю. Во второй главе есть место, где говорится, что в конце времен каждому будет открыто имя, которого никто не знает, кроме Бога и того, кто это имя получает (см. Откр. 2:17), имя, которое выражает единственность этого человека, единственное, неповторимое взаимоотношение, которое существует между этим человеком и Богом и, как следствие, между этим человеком и каждым другим.

Если думать в таком плане, то ясно становится, как важно нам делать различие между «персоной» и «индивидом». Оставим в стороне общество, подумаем о Церкви. Мы все, люди, разделены в самих себе, раздираемся между добром и злом, разделение проходит между нашим умственным восприятием и нашим опытным знанием; мы разделены между собой, потому что в значительной степени чужды друг другу. Мы не понимаем друг друга, мы не одобряем друг друга, другие нам не нравятся, мы не любим друг друга. И Церковь в целом, как бы она ни была едина в Боге, но в своих отдельных членах является разделенным телом.

И, тем не менее, в этом разделенном теле каждый отдельный член имеет таинственную сердцевину, которую определяет имя, – имя, которое ведомо только Богу и тому, кто получает его, имя, в котором выражена единственность этого человека. Когда апостол Павел в одном из своих посланий говорит, что мы несем святыню в разбитых сосудах (ср. 2 Кор. 4:7), это очень ясный образ индивида и личности внутри Церкви и в жизни мира в целом. Мы несем святыню. Мы *все* обладаем этим именем, которого еще не знаем, потому что наша связь с Богом недостаточно глубока, мы не на-

столько в Боге, чтобы быть способными узнать наше имя. Мы все носим в себе образ Божий, запечатленный в нас, и, однако, не видим его. Мы не видим его в себе; в противном случае мы относились бы к себе с чувством благоговейного поклонения, как к чему-то, что свято, что дорого Богу, настолько свято, что его нельзя осквернить. Апостол Павел много пишет об этом. И в то же время мы *таковы*, мы обладаем этим образом, он в нас. И мы должны сознавать, что когда мы говорим о личности, персоне, мы говорим о том, что в каждом из нас единственно, свято, драгоценно. Но какая связь одной персоны с другой? Мы все хорошо знаем, какова наша связь (или отсутствие ее) друг с другом как индивидами. Но каким образом одна персона связана с другой, если нет ничего, что позволяет нам противополжить их?

Тут мы можем обратиться к образу, который много веков назад дал древний русский летописец, Нестор. Он говорит о народах, но то же можно отнести к отдельным людям; он говорит, что каждый народ обладает только ему присущим свойством, которое не может быть предметом противопоставления, которое абсолютно единственно и неповторимо, и потому народы могут жить бок о бок, не сталкиваясь, не сравнивая себя с другими. Взаимоотношение между персонами подобно связи голосов, которые в полной взаимной гармонии поют в хоре. Каждый голос единственный. Каждый голос обладает своим единственным качеством – и я говорю не о разнице между, скажем, басом и тенором, – но в пределах каждой категории каждый голос обладает собственным качеством. Каждый из нас как персона обладает уникальностью, которая вместе с уникальностью каждого другого сливается в единый поток поклонения или порыв взаимной любви.

Так что, когда мы говорим о человеческой персоне, мы должны понять, что говорим о самом святом в себе, о чем-то, что знает только Бог, об образе Божиим не просто как о наложенной печати, но как о жизненной силе в нас, которая изменяет, преображает нас и постепенно делает нас *участниками Божественной природы* (2 Пет. 1:4). И однако мы несем эту святость в разбитых сосудах своей индивидуальности. Это очень важно нам помнить, потому что только в таком случае мы можем видеть последствия такого положения. Например, мы видим, что когда стараемся создать взаимоотношения, мы не можем создать их искусственно, не превзойдя разбитость индивида.

Сейчас очень много говорят об общинной жизни. Но общинная жизнь предназначена для *индивидов*. Это попытка сделать жизнь возможной для множества существ, которые, в конечном счете, не связаны между собой в полной гармонии, в жертвенной любви, в отдаче себя друг другу. Вот ос-

нова общины. То же самое можно было бы сказать о демократических взаимоотношениях между людьми в одной стране или местности. Воля большинства, общий дух народа (что не то же самое, как единогласие, единодушие, к которому стремится Церковь) – вот состояние индивидов, которые стараются создать между собой возможный *modus vivendi*, которые стараются жить вместе, несмотря на взаимное напряжение и разделения, стараются найти общий язык, общий интерес, который бы связал их и позволил выжить. Это относится к народам и время от времени взрывается войнами, или к семьям, которые должны выживать, не доходя до взаимных столкновений, которые ведут к насилию, разделению, разводу.

В Ветхом Завете мы читаем, что изначально был сотворен человек, человеческое существо (Быт. 1:26). Некоторые отцы Церкви говорят, что Адам, взятый от земли, созданный из персти земной, из основного как бы вещества тварного мира, содержал в себе все возможности человека. Он не имел пола, он был *–всечеловеком*”, и постепенно, по мере того как он созревал от невинности к святости, от младенческого состояния к взрослости, в нем происходила поляризация, потребовавшая разделения двух элементов. И пришел момент, когда Бог разделил это единое человеческое существо на два, но они оставались в полном единстве. В Ветхом Завете мы видим этот момент, когда Бог разделил изначально человека на мужчину и женщину. Переводы, и английский и славянский, не удовлетворительны. Мы читаем, что Бог взял *ребро* Адама (Быт. 2:21). Одного раввина как-то спросили: почему Бог взял ребро, а не голову, что могло бы быть полезнее, или руку, что так же полезно? И раввин ответил: потому что ребро – та часть человека, которая ближе всего к сердцу... Так что, согласно такой терминологии, женщина была создана из того, что ближе всего к сердцу мужчины, но я не считаю это блестящим или единственно возможным объяснением! Очень часто в древних языках, во всяком случае, в славянском *–ребро*”, *–ребра*” означает *–бок*”; это выражение понималось в том смысле, что Бог разделил надвое первоначально единое существо, разделил две половины. Те, кто знает французский язык, уловят, что можно говорить о *côte* и *côté*, *côte* означает *–ребро*”, *côté* – бок, сторона. И когда Адам видит Еву лицом к лицу, он восклицает: *это кость от костей моих, плоть от плоти моей*. И дальше в переводе текст не ясен; там говорится: *она будет называться женою, ибо взята от мужа* (Быт. 2:23). Но в еврейском тексте употреблено слово, которое одинаково в мужском и женском роде: *иш* и *иша*. Я – *иш*, она – *иша*. Она – женская часть меня, я – ее мужская часть.

В этот момент они – одно нераздельное существо в двух лицах, потому что падение еще не разделило человечество от Бога и одно человеческое существо от другого. Есть место в писаниях святого Мефодия Патарского,

которое на латинском языке звучит так: Адам смотрит на Еву и говорит: она – мой alter ego, другой я сам, указывая тем самым на полное, радикальное отличие и, одновременно, тождество. Говоря о падении и о разделении Адама и Евы, святой Мефодий говорит дальше, что когда они отпали от Бога, пропала сила, связывавшая их воедино. Адам смотрел на Еву, Ева на Адама, и каждый говорил: я – ego, он – alter, он *другой*, она *другая*. Они стали разбитой парой, и тут вступает понятие индивида. Оно будет расти и углубляться. Со временем оно станет все более разрушительным, но в этот момент оно возникло. Они – уже не двое в единстве человеческого существования. Они – две персоны, в которых возникла индивидуальность. Это трагический момент, потому что этой чете придется каким-то образом быть вместе; если они не останутся вместе, они будут разлучены навсегда. Разделение всегда растет, разделение никогда не исчезает само по себе.

И Бог устанавливает между ними взаимное притяжение. Они влекутся один к другому психологически и физически. Они тоскуют друг по другу, потому что в глубинах своих знают, что они – одно, составляют одно целое; хотя на опыте знают, что случилось нечто, что разделило их. Кто-то из духовных писателей говорит, что мир не мог бы существовать без таинств, потому что таинство – та сила, которая связывает тварь с Богом и твари между собой. И с самого начала мира Бог установил брак: не тот брак, который мы знаем теперь как церковное, богослужебное действие, но как событие, которое приводит два существа, иначе разделенные, в единство, в ту степень единства, которая им доступна. Оно может быть полным, оно может быть частичным, оно может быть полным красоты и славы возрастанием в единство. Но брак – единственное таинство, которое сохранилось в библейском мире и в языческом мире, не давая индивидам порвать всякую связь и человеческому роду окончательно разрушиться.

Между людьми может быть любовь совершенная, без жадности обладания, та любовь, которую описывает Христос: тот не любит истинно, кто не готов жизнь отдать за другого (см. Ин. 15:13). Отдать жизнь не значит умереть, отдать жизнь значит полностью, без ограничения истощить себя, отдать. Понятие о любви может порой быть очень двусмысленно. В книге *Screwtape Letters* К.С.Льюиса старый бес пишет о любви своему племяннику, который под его руководством овладевает бесовской наукой. И он пишет: я не понимаю, как это Враг (Врагом он называет Бога) говорит, что любит людей. Он же дает им свободу! Они могут делать, что хотят. Они могут принять Его или отвергнуть Его, они могут пойти за Ним или отвернуться от Него. Когда я говорю, что люблю *тебя*, я имею в виду, что хочу обладать тобой так, чтобы ничего в тебе не осталось бы вне моей

власти. Когда я думаю о совершенной любви к тебе, я думаю о том, как бы поглотить и переварить тебя так, чтобы вне меня тебя не осталось...

Такова бесовская «любовь». Но в большей или меньше степени мы находим это в человеческих отношениях. Можно ли подумать о нас, о мне, о каждом из нас, за исключением великих святых, что человек посмотрел на другого и сказал: «Он (она) – другой я сам, мой alter ego. Я существую только в связи с ним, с ней. Я существую только постольку, поскольку я устремлен, направлен к этому человеку. Я существую только вместе с ним, ради него. Без него – меня нет». Потому что любовь – это. В начале Евангелия от Иоанна нам говорится: *В начале было Слово, и Слово было у Бога* (Ин. 1:1). Греческий текст не говорит «у Бога». Там стоят слова *πρὸς τὸν Θεόν*, что означает: к Богу, не просто «е» Ним. Этим говорится, что Слово Божие устремлено к Отцу. Оно направлено к Отцу, потому что в Себе Самом, в отдельности от Отца не имеет ни *raison d'être*, ни смысла, ни присутствия, ни бытия.

Такова должна бы быть любовь между людьми, и не только та любовь, которая соединяет людей в браке. Я говорю о той любви, посредством которой люди могли бы быть связаны друг с другом, если бы в них персона преобладала над индивидом, если бы индивид не заслонял персону, если бы индивид не стоял подобно ширме, туману, через который надо пробиться, надо развеять, чтобы увидеть, так, чтобы отношения были отношениями двух людей, а не двух хищников или паразитов, отношениями людей, которые существуют друг ради друга и не видят другой цели существования.

Это то, что апостол Павел испытывал по отношению ко Христу. Это то, что он чувствовал в Боге, во Христе, в своих отношениях с каждым другим человеком. Это то, что мы могли бы видеть в Церкви или что мы более или менее встречаем в Церкви, – в Церкви не как церковной организации, но Церкви в ее сущности, Церкви как доме Божиим. Принадлежать к Церкви означает быть в собственном Божиим доме. У нас есть Отец. У нас есть Брат, – имя Ему Иисус Христос, Живой и Единородный Сын Божий. Тот же Дух дышит в нас, Святой Дух Божий. У нас один ум – ум Христов (это выражение Священного Писания – 1 Кор. 2:16). Церковь – дом Божий, в котором мы живем и пользуемся всеми правами детей нашего Отца. Святой Ириней Лионский говорит, что придет время, когда, в полном единении со Христом и силой Святого Духа, мы станем уже не *приемными* детьми Божиими, но в Единородном Сыне, силой Святого Духа, мы, все человечество, станем *единородным сыном Божиим*, и *Бог будет все во всем*, говоря словами апостола Павла (1 Кор. 15:28). Вот наше человеческое призвание.

В своем индивидуальном бывании мы обладаем телом, душой, духом; и каждый из этих элементов имеет свое место и свою роль, существенную

роль в нашем становлении персонами, когда мы преодолеваем свою замкнутость в индивидуальности, в нашем отвержении другого.

Здесь я хотел бы попутно сделать одно замечание. Мы неизменно употребляем «Ты», когда обращаемся к Богу, потому что стремимся осознать и подчеркнуть тот факт, что в терминах «Я» и «Ты» мы утверждаем то именно, о чем я сейчас говорил. Мы говорим «ты» самому близкому, самому дорогому человеку, но когда мы говорим «ты», мы утверждаем полную, предельную инаковость этого человека, то, что он — «другой»; и вместе с тем — его бесконечную к нам близость и нашу близость к нему. В Церкви мы — «ты» (или должны бы быть «ты») друг для друга, так же как Бог для нас — «Ты» и мы для Него — «ты», потому что Он знает тайное, таинственное имя, которое до конца совпадает с *нами*, а у нас нет имени для Него, потому что мы еще не знаем Бога так, как призваны знать Его. Апостол Павел говорит, что придет время, когда мы будем знать Бога так же, как сами познаны Им (1 Кор. 13:12). Но пока что у Бога есть имя — *Иисус*, имя Бога, ставшего Человеком. В Нем мы видим откровение всего, чем может быть человек, потому что в Нем нам явлен истинный и совершенный Человек, в Его теле, в Его душе, в Его духе. Он — Человек, и мы можем от Него научиться тому, что значит быть человеком.

Мы все обладаем телом, и душой, и духом. Тело и дух — вот два основные фактора, которые соединяют нас с Богом и с тварным миром. Адам был сотворен из праха земного. Он не был результатом резкого скачка от животного к человечеству, он не есть последняя стадия эволюционного развития. Бог не сотворил его, превратив в человека самую совершенную и привлекательную обезьяну. Бог взял прах земной, так что человек во всем подобен всему сотворенному Богом. Мы состоим из того же вещества, что и каждый атом, и каждая галактика. Каждый атом и каждая галактика и все сущее между этими крайностями может узнать себя самоё в нас, в нашем теле. И это не происходит, потому что мы отпали от Бога, потому что наши тела уже не являются знаком присутствия Божия и нашей укорененности в Боге.

После потопа Господь говорит Ною: отныне все живущее предано в твою власть. Они будут тебе пищей, а ты будешь для них ужасом (см. Быт. 9:2-3). Вот какая создалась взаимосвязь, и вот откуда такая физическая отчужденность, и взаимная, и с остальным тварным миром. Пока мы не усвоили искупление, не воссозданы, не обновлены силой и благодатью Божией, мы остаемся чуждыми, хищниками в мире, который мы были призваны вести к полноте общения с Богом. Благодаря тому, что мы одно, что наша плоть одной природы со всем существующим, весь мир мог бы последовать за нами, если бы только мы следовали за Богом. Но мы не идем за Богом, либо

идем за Ним, настолько запинаясь, колеблясь, мы так неверны Ему. Нам очень важно осознать единство между нами и тварным миром, понять, насколько важно для тварного мира и для нас то, что мы *едины*, навсегда неразлучны.

А на другом краю – наш дух. Когда был создан Адам, Бог вдохнул в него Свою жизнь (Быт. 2:7). Дыхание Божие внутри нас и делает нас подобными Богу, и позволяет нам вырастать от эмпирического человечества в существа, исполненные Божества, которые из невинности вырастают в святость. От безгрешности Адама, через падение человека, через покаяние, через искупительное дело Христа, через наше единение с Ним, мы вырастаем в единство с Богом и становимся причастниками Божественной природы.

И между телом и духом – человеческая душа. Душа – это наш ум, наши эмоции, все формы сознания, какие есть в нас. И это – уязвимое место нашей жизни, потому что сюда направлены все искушения. Дьявол не может искушать нашу плоть. Один из отцов Церкви сказал, что когда мы говорим о грехах плоти, мы говорим не о том, что плоть наша греховна, но о тех грехах, которые наша душа совершает против нашей плоти. Я голоден, потому что тело требует пищи, но я проявляю жадность, потому что душа делает выбор между тем, что кажется вожделенным, и прочим. Мой отец как-то сказал мне, когда я был молод: «Никогда не держи дома ничего «вкусенького», никакой любимой пищи. Держи только то, что не особенно любишь, тогда будешь есть только потому, что голоден, а не от жадности». Во всех своих проявлениях наше тело чисто и естественно. Оно теряет естественность и чистоту через то, что на него проецирует душа, – жадность, похоть и т.д. Тут-то и действует дьявол; потому что он может подсказать: «Зачем есть хлеб, когда можно взять пряник? Почему не попользоваться тем-то и тем-то (что не совсем незаконно, но без чего лучше бы обойтись)? Тебе же будет приятно!» И навязывает это нашему телу, которое постепенно совращается душой.

Писатели древности говорили о душе как о той части человека, которой может коснуться и дьявол, и Бог. Бог зовет нас к Себе, к совершенной любви, и Он доказал нам, что действительно любит нас, настолько, что Сына Своего Единородного отдал *на смерть*, чтобы мы жили (Ин. 3:16-17; 1 Ин. 4: 9-10). А дьявол тут же говорит нам: «Не верь Ему. Это будет когда-то, это только обещано. То, что я предлагаю, так привлекательно! Бери сразу!» Дьявол заманивает нас; Бог призывает нас. Дьявол дает обещания, которых никогда не исполняет; Бог говорит: «Приди, я люблю тебя! Ты увидишь, что способна сотворить любовь. Взгляни на Христа. Взгляни на Мою любовь. Взгляни на Младенца Вифлеемского, Который отдает Себя, Который – Сам Бог, отдающий Себя беспомощно, беззащитно. Он ввергает

Себя тебе”. И судьба человечества зависит от того, что человек выберет, куда устремится его душа. Приму ли я приманку одного или зов любви Другого? И затем мы видим все исполнившимся в лице Христа. Христос становится человеком. Он причастен в Собственном теле всей материальности тварного мира. Все творение может глядеть на Него и сказать: –Вот чем я призвано стать. Вот ради чего меня создал Бог. Вот я, каким я стремлюсь стать, чем я стал бы, если бы человек не предал меня”.

Святой Феодор Студит говорит, что мир подобен прекрасному коню, которым правит пьяный всадник. Так видит себя мир. Мир – прекрасное творение Божие, а мы, кто был призван вести его к совершенству, не справились со своей задачей и продолжаем изо дня в день быть отступниками от своего призвания. Но не так со Христом. Он соединен с тварью и в чистоте Своего тела, в совершенстве Своего тела Он может явить образ всего тварного. В Своей душе Он остался незапятнанным. Есть место у пророка Исаяи, где говорится, что Младенец родится Израилю и раньше чем Он сможет различить добро от зла, Он выберет добро, не потому что над Ним чудесный покров, но потому что в Нем Самом нет зла (Ис. 7:16). И значит, нас направляет к злу только наша испорченность. В Нем нет порчи, и следственно душой, Своей *человеческой* душой, Он выбирает добро. Он – воплощенный Сын Божий, и Он открывает нам, чем может быть человек, чем человек призван быть, исполненный Божественного присутствия, исполненный благодати Божией, совершенный и в единстве с Богом.